

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Домашний концерт (Петербургские очерки #13)

«Марья Михайловна Перволина не отказалась отъ своей идеи. Первый неудачный опытъ не расхолодилъ ее, а только убѣдилъ, что она не такъ взялась за дѣло.

– Да, да, мы не такъ взялись за дѣло, – говорила она мужу, который, порядочно выигравъ въ предъидущій вечеръ за «разбойничьимъ» столомъ, находилъ, что чертовски везеть, когда жена хочетъ помѣшкать ему играть въ карты, и потому заранѣе готовъ былъ согласиться на всѣ дальнѣйшіе опыты. – Мы не такъ взялись. Къ новымъ идеямъ и порядкамъ надо приучать исподволь, незамѣтнымъ образомъ. Я теперь устрою иначе. Никакой насильственной ломки установившихся традицій. Ломберные столы будутъ раскрыты, карты и мѣлки положены – садитесь, кому угодно. И представъ себѣ никто не сядетъ, а всѣ будутъ толпиться тутъ, въ большой гостиной, передъ роялемъ. Я устрою домашній концертъ!..»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Домашній концертъ**

Марья Михайловна Перволина не отказалась отъ своей идеи. Первый неудачный опытъ не расхолодилъ ее, а только убѣдилъ, что она не такъ взялась за дѣло.

– Да, да, мы не такъ взялись за дѣло, – говорила она мужу, который, порядочно выигравъ въ предъидущій вечеръ за «разбойничьимъ» столомъ, находилъ, что чертовски везетъ, когда жена хочетъ помѣшать ему играть въ карты, и потому заранѣе готовъ былъ согласиться на всѣ дальнѣйшіе опыты. – Мы не такъ взялись. Къ новымъ идеямъ и порядкамъ надо пріучать исподволь, незамѣтнымъ образомъ. Я теперь устрою иначе. Никакой насильственной ломки установившихся традицій. Ломберные столы будутъ раскрыты, карты и мѣлки положены – садитесь, кому угодно. И представъ себѣ никто не сядетъ, а всѣ будутъ толпиться тутъ, въ большой гостиной, передъ роялемъ. Я устрою домашній концертъ!

Перволинъ нѣсколько оторопѣлъ. Такой макиавелистической мѣры онъ не ожидалъ. Въдь если, въ самомъ дѣлѣ, въ гостиной будетъ концертъ, это можетъ разрушить даже

партію «разбойничьяго» стола. Вѣдь даже генераль Трезубовъ, винтящій по пяти копѣекъ, увѣряетъ, что онъ больше всего на свѣтѣ любитъ музыку. А жена, когда возьметъ за чтонибудь, ее не уймешь; она способна пригласить Фигнера, или Гофмана. Къ счастью, кажется, ихъ теперь нѣтъ въ Петербургѣ.

— Домашній концертъ? — переспросилъ Перволинъ съ легкимъ отѣнкомъ протеста въ голосъ, — Но ты не подумала, мой другъ, какъ это трудно, съ какими хлопотами сопряжено...

— Это ужъ мое дѣло, я сама все устрою, — возразила Марья Михайловна. — Ты только никого не предупреждай объ этомъ. Можешь, впрочемъ, сообщать, что будетъ немножко музыки, такъ, между робберами.

И Марья Михайловна принялась хлопотать: ѣздила съ утра до обѣда, вела какія-то таинственныя совѣщанія съ господиномъ, смахивавшимъ на тапера, и познакомилась зачѣмъ-то съ музыкальнымъ рецензентомъ. Мужа она не беспокоила, и только однажды спросила:

– Нѣтъ-ли у тебя въ департаментѣ чиновниковъ съ малороссійскими фамиліями? У нихъ часто хорошіе голоса бываютъ; можно было бы на скорую руку хоръ составить.

Перволинъ отвѣтилъ, что малороссійскихъ фамилій между чиновниками у нихъ много, но относительно голосовъ ничего не знаетъ; впрочемъ обѣщаль похлопотать.

– Ну, такъ какъ-же? – полюбопытствовалъ онъ въ день раута; – будетъ у насъ концертъ сегодня?

– Будетъ, и еще какой! Мнѣ очень повезло на первый разъ, – отвѣтила Марья Михайловна. – Представь себѣ, что даже изъ оперной труппы одинъ теноръ обѣщаль прійхать. Только просиль, чтобъ не очень жарко было, потому что не можетъ пѣть въ разрѣженномъ воздухѣ.

– Если хорошій теноръ, такъ не прійдетъ, – скептически отозвался Перволинъ. – Ну, а затѣмъ кто?

– Много еще будетъ. Хоръ балалаечниковъ будетъ.

– Какъ, балалаечники? – почти испугался

Перволинъ, вспомнивъ опять генерала Трезубова, который говорилъ, что готовъ ни пить, ни ѣсть, а только слушать балалаечниковъ.

– Да. Не тѣ, конечно, знаменитые, а другіе, новенькіе. Новый хоръ составился, изъ членовъ бумагопрядильнаго потребительнаго общества. Но совершенно также хорошо играютъ, какъ и андреевскіе.

– А-а, другіе! – нѣсколько успокоился Перволинъ. – А дальше?

– Дальше у меня намѣчено много маленькихъ нумеровъ, вокальныхъ и инструментальныхъ. Изъ нѣмецкой оперы басъ будетъ. Мишуткина романсъ споетъ, это будетъ новостью для всѣхъ.

– Это что-же за Мишуткина такая?

– Чудное сопрано. Она на закрытыхъ дебютахъ общее вниманіе на себя обратила. Подучиться надо, а то-бы сейчасъ приняли въ труппу. И еще много, много. Я прикидывала съ Водопойловымъ...

– Съ Водопойловымъ?..

– Ну, да, это такой музыкальный рецензентъ есть, въ самыхъ лучшихъ газетахъ пишетъ. Я съ нимъ прикидывала, и выходитъ,

что даже нельзя всю программу исполнить: восемь часовъ требуетъ. Придется кое-что отложить до слѣдующаго вечера.

* * *

Гости, снова собравшіеся къ Перволинынь, были опять нѣсколько озадачены переменой въ гостиной: рояль былъ передвинуть на другое мѣсто, а передъ нимъ разставлены въ нѣкоторомъ порядкѣ легкіе стулья.

— Будетъ музыка? — спрашивали хозяина.

— Да, немножко, пока составятся партіи, — отвѣчалъ успокоительнымъ тономъ Перволинъ.

Но онъ ошибался. Распространившееся извѣстіе о предстоящемъ концертѣ произвело на гостей совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого онъ опасался. На всѣхъ лицахъ появилось такое выраженіе, какое бываетъ у очень сытыхъ котовъ, когда ихъ тихонько щекочутъ за ушами.

— А-а! — произносилъ каждый, ослабляясь и жмурясь.

Спрашивали, кто будетъ пѣть и играть. Перволинъ опять думалъ успокоить публику, отвѣчая, что «такъ, знаете, кое-кто, между

прочимъ», и опять ошибся: ощущение щекотки росло и завораживало нервы. Всѣ словно даже рады были, что дѣло обойдется безъ крупныхъ знаменитостей, что они сами, по домашнему, будутъ цѣнить, хвалить, восторгаться и увѣрять другъ друга, что еслибы такому-то поучиться, то онъ достигъ-бы Рубинштейна, а у такой-то голосъ плохо поставленъ, но само по себѣ это такое сопранище — единственное въ мірѣ.

Даже старая теща, княгиня Ветлужская, ничего не имѣла на этотъ разъ противъ зятѣи дочери, а генеральша Спиридова, глухая на оба уха, сообщала всѣмъ, что музыка до такой степени божественно на нее дѣйствуетъ, что она даже отъ зубной боли ничѣмъ другимъ не лечится, кромѣ шопеновскихъ ноктурновъ и листовскихъ рапсодій.

Генераль Трезубовъ совсѣмъ смутилъ Перволина; онъ выбралъ самое большое и покойное кресло, вдвинулъ его въ ряды легкихъ стульевъ, и заявилъ рѣшительнымъ тономъ, что винтить сегодня не будетъ. И какъ бы въ доказательство безотмѣнности такого рѣшенія, вынулъ изъ обоихъ ушей кусочки

морского каната, которые обыкновенно вкладывались туда для предохраненія головы отъ ревматизма.

Въ гостиную, между тѣмъ, то и дѣло входили незнакомыя обычнымъ посѣтителямъ лица. Мужчины отличались, по большей части, усами необычайной величины, и нѣсколько страннымъ покроемъ фраковъ: либо до крайности узкихъ, либо такихъ широкихъ, точно ихъ пригоняли не на каждого лично, а на всѣхъ вообще. Дамы еще въ передней, передъ маленькимъ зеркаломъ, наводили на лицо несмѣняемую улыбку, и такъ съ этой улыбкой входили въ гостиную, принимали привѣтствія хозяевъ и усаживались на мѣста. Дѣвица Мишуткина, маленькая, толстая, съ необычайно развитымъ бюстомъ и слоями пудры на темнобуромъ лицѣ, впорхнула съ наклоненной вбокъ головой, и съ такимъ восторженнымъ выраженіемъ, какъ будто она не вошла, а внесена на рукахъ заранѣе благодарной толпой.

Марья Михайловна, удовлетворяя общему нетерпѣнію, подала руку стоявшему подлѣ нея небольшому пузатенькому человѣчку, и

торжественно подвела его къ роялю.

— Мосье Никодимовъ, нашъ знаменитый піанистъ, будетъ такъ любезенъ, сыграетъ намъ увертюру изъ оперы «Камаринскій мужикъ», объявила она.

Мосье Никодимовъ повернулся зачѣмъ-то къ публикѣ, потомъ перевернулся къ роялю, сѣлъ, и короткія руки его пришли въ движеніе. Гостиная наполнилась звуками поражающаго тона. Клавиши прыгали, струны гудѣли и стонали, и вообще чувствовалось нѣчто такое, какъ будто всѣ четыре стихіи пришли въ борьбу между собою.

— А? каково? — обращались другъ къ другу гости. — Силища, силища-то какая! Конечно, не Рубинштейнъ, но увѣренность и яркость игры поразительныя.

Никодимова смѣнилъ теноръ, пожилой и плѣшивый блондинъ весьма не молодыхъ лѣтъ. Онъ, къ удивленію, пѣлъ какъ будто дискантомъ, поминутно прикладывалъ носовой платокъ ко лбу, и дѣлалъ затѣмъ странное движеніе рукой, словно командовалъ самому себѣ: разъ, два!

Рецензентъ Водопойловъ, нѣсколько

опасавшійся за него, шмыгаль между столпившимися у стѣнъ и дверей, и говорилъ всѣмъ:

— Голосъ немножко пострадалъ, это очевидно, но за то сколько задушевности! Какая подкупающая манера! Онъ не изнѣжитъ вашего слуха, но за то много скажетъ вашему сердцу.

Къ роялю подвели дѣвицу Мишуткину. Она долго стояла, поджимая локти, улыбаясь, густо чернѣя подъ пудрой, потомъ запрокинула голову, зажмурила глаза, и наконецъ ринулась въ море звуковъ съ такимъ точно видомъ, будто кидалась въ воду.

При первыхъ звукахъ феноменальнаго сопрано, походившаго, впрочемъ, на обыкновенный визгъ, все, что было въ домѣ у Перволиныхъ, столпилось въ большой гостиной. Изъ-за единственныхъ двухъ столиковъ, гдѣ составился винтъ, партнеры выскочили, какъ на пожаръ. Прислуга столпилась въ передней, и подымаясь на ципочкахъ, заглядывала черезъ головы господъ въ храмину, посвященную на нынѣшній вечеръ высокому искусству.

Восторженное напряженіе публики достигло оцѣпенѣнія. Никто не позволилъ-бы себѣ произнести слова: только иногда подталкивали другъ друга локтемъ и обмѣнивались упоенными взглядами.

Послѣ бури рукоплесканій и криковъ: bis! – опять пѣніе, и опять, и опять. Наконецъ какъ будто все успокоилось.

– Вся на верхнемъ регистрѣ! – объяснялъ восторженнымъ тономъ рецензентъ Водопойловъ. – Средній слабъ, я согласенъ, но каковы верхи!

Гости раздѣляли мнѣніе и настроеніе Водопойлова. Это точно, средняго регистра нѣтъ, но верхи изумительные. Конечно, ей надо подучиться, школа плохая, умѣнья никакого. Поетъ какъ охтенская огородница, но вѣдь самородокъ, вотъ что дорого. Интересно, очень интересно было познакомиться съ такимъ голосомъ. Спасибо Марѣ Михайловнѣ, истинное наслажденіе доставила.

Концертъ продолжался. Оперный теноръ, не любившій пѣть въ разрѣженномъ воздухѣ, не пріѣхалъ. Нѣмецкій басъ тоже. Балалаечники потребительнаго общества надули. Но

это ничему не повредило. Концертъ продолжался, продолжался, продолжался. Публика пришла въ такое состояніе, что готова была требовать, чтобъ каждый изъ гостей по очереди что нибудь спѣлъ или сыгралъ.

Заставили Марью Михайловну пробренчать какую-то сонату. Вывели бонну нѣмку, сконфуженную, раскрасневшуюся, со слезами счастья на глазахъ, и убѣдили что-то спѣть.

До самага ужина всѣ оставались на мѣстахъ. Въ антрактахъ между номерами обмѣнивались замѣчаніями:

– А въдь недурно? Въ концѣ какъ-то скомкалъ. Но пріятное туше, очень пріятное.

– И выборъ пьесъ мнѣ нравится: новенькое что-то.

– Что вы, это изъ этюдовъ Черни.

– Правда? А мнѣ и не вдомекъ. Но какъ вамъ поправился предъидущій, скрипачъ?

– Чудный смычекъ, могъ бы концерты давать. Душа въ его игрѣ есть, настроеніе.

– А контральто, въ черномъ платьѣ съ кружевами? На казенную-бы сцену ей.

– Вѣрно сказали. Стара только немножко.

– А Мишуткина, если подучится, со време-

немъ знаменитостью будетъ. По Европѣ турне будетъ дѣлать.

— Въ Европѣ-то нынче голосовъ нѣтъ, дребедень одна. Хозяйку вечера восторженно благодарили за доставленное наслажденіе. Она торжествовала, и даже велѣла подать двѣ запасныя бутылки шампанскаго, которыя раньше думала съэкономить.

— Вѣдь вотъ, чѣмъ хороши такіе вечера, — замѣтилъ одинъ изъ гостей: — слушаешь себѣ, слушаешь, и ни о чемъ тебѣ не надо думать. Ни разговору отъ тебя не требуютъ, ни занимательности этой. Мозги-то лежатъ у тебя въ головѣ, какъ старуха на печи.

Перволинъ былъ нѣсколько озадаченъ какъ успѣхомъ новой затѣи жены, такъ въ особенности тѣмъ, что несмотря на всѣ старанія, ему не удалось сыграть ни одного роббера.

— Скажи пожалуйста, ты намѣрена и дальше такіе вечера устраивать? — спросилъ онъ жену, когда послѣдній изъ гостей убрался, напѣвая слышанный часъ назадъ мотивъ.

— О, разумѣется... Это вышло такъ удачно, не правда-ли? съ восхищеніемъ воскликнула Марья Михайловна.

Перволинъ съ задумчивымъ видомъ повелъ бровями.

– Гм... Правда-то правда, но я думаю... не лучше-ли намъ поѣхать за границу? Въ Петербургъ все снѣгъ да морозы, надоѣло мнѣ... – проговорилъ онъ брюзжащимъ тономъ.